

Документальный триллер

РИЧАРД КОННИФФ

ДНК

МИЛЛИАРДЕРА

**ЕСТЕСТВЕННАЯ
ИСТОРИЯ
БОГАТЫХ**

Москва

издательство

РОДИНА

2024

УДК 342.26

ББК 65.29

К64

Коннифф, Ричард

К64 ДНК миллиардера. Естественная история богатых / Р. Коннифф.
– М.: Родина, 2024. – 320 с. (Документальный триллер).

ISBN 978-5-00222-651-1

«Если хотите знать, что Бог думает о деньгах, просто взгляните на тех, кому он их дал», – эту фразу американский журналист Ричард Коннифф поставил эпиграфом своей книги. Для изучения образа жизни, нравов и привычек богатых и сильных мира сего автор посетил самые шикарные места и самых знаменитых людей.

Он рассматривает богачей как отдельный подвид *homo sapiens* с использованием методов социобиологии и генетики, что, по его мнению, оправдано, ведь «состоятельные семьи практикуют близкородственное скрещивание в таких же масштабах, как домашние мыши или Ротшильды».

УДК 342.26

ББК 65.29

© Коннифф Р. (Conniff R.),
правообладатели

© Леонович М., перевод с английского

© ООО «Издательство Родина», 2024

ISBN 978-5-00222-651-1

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Насколько богаты богачи?	21
Долгий социальный рост: от обезьяны к магнату	42
Время вечеринок: заря плутократии	64
Кто здесь главный? Доминирование по-плохому	84
Доминирование по-доброму	118
Услужливое сердце: модели подчиненного поведения . . .	142
Зачем рискуют богачи: игра на публику	171
Демонстрация скромной экстравагантности	183
Жизнь на широкую ногу: жилища богачей	224
Любовные забавы богатых	251
Семейный бизнес	287
Эпилог	311

ВВЕДЕНИЕ

«Если хотите знать, что Бог думает о деньгах, просто взгляните на тех, кому он их дал».

*Дороти Паркер, журналистка,
одна из основателей журнала New Yorker*

Для начала хотелось бы сделать одно нескромное признание. В отличие от некоторых первых работ в области эволюционной психологии, эта книга не основывается на тщательном сравнительном исследовании. Не является она (в отличие от многих великих трудов по изучению поведения животных) и результатом тысяч и тысяч часов усердных полевых наблюдений за тем, например, как пауки ткут паутины.

Толчком к ее написанию послужил совет одного биржевого маклера. Я находился в Монако с рядовым заданием журнала National Geographic, и у меня возникло чувство, будто я попал в другую вселенную, где даже самая непринужденная болтовня могла в любой момент обернуться сюрреалистической стороной. Например, однажды я сидел в баре с двумя молодыми женщинами, подыскивавшими «стартовых» мужей, когда одна из них спросила у другой: «У него все еще „ягуар“ одного цвета с собакой?» — «Ты все перепутала, — ответила подруга, — это был „морган“. А цвет — кремовый». Я попросил одну из них научить меня немного говорить по-французски, и она с удовольствием пропела фразу «Il a du fric», что означает «Он при деньгах». А я, к слову, даже не мог открыть в Монако банковский счет, поскольку мне любезно объяснили, что минимальный вклад составляет сто тысяч долларов.

«National Geographic? — переспросил меня как-то утробом английский биржевой маклер. — Почему же вы не в горах Папуа — Новой Гвинеи?»

В ответ я высказал предположение, что у каждого народа есть своя антропология и обычаи коренных жителей Монако, надо думать, не менее экзотичны, чем обычаи любого племени горцев.

Маклер мгновенно заинтересовался этой идеей. «Знаете, — сказал он, — я хожу в ночной клуб Jimmy's — это своего рода ритуал. Каждую ночь исполняют одни и те же песни, танцуют одни и те же девушки...»

Несколько дней спустя я вновь наткнулся на этого маклера в баре, и он тотчас стал указывать мне на антропологические признаки монегасков: «Здесь происходит брачный ритуал племени. Все на виду. Много перьев. Сколько угодно перекрестного опыления».

«Вы говорите, как Дэвид Аттенборо», — ответил я. Двумя руками маклер держал стакан с напитком, пальцами указывая на ярко одетую женщину, сидевшую за стойкой бара. «А вот, — продолжал он голосом ведущего научно-популярной телепрограммы, — божья коровка с черными и белыми полосками и красным воротничком».

Как раз в этот момент в дымчатом зеркале напротив я заметил элегантного мужчину с огромными свисающими усами, как будто сошедшего с полотна Тулуз-Лотрека. Достав золотую зажигалку и любясь каждым своим жестом, он водил пламенем по кончику толстой сигары. Затем, не выпуская из рук этот фаллический аксессуар, он обошел бар, радостно приветствуя многочисленных знакомых. В этом «сверхчеловеческом» обществе трофейных жен и международных торговцев оружием каждый был богат и блестящ.

Биржевой маклер потягивал напиток и обдумывал сказанное.

«Мы все же животные одного вида, не важно, есть у нас вещишки от Cartier или нет, — сказал он. — Можете возиться со знаками и символами, изучать их, но в конечном счете поймете, что любой из них говорит окружаю-

щим то же, что и красный зад обезьяны — „обратите внимание на меня“».

Эта идея дала плоды, поскольку почва была подготовлена самой моей жизнью. Большую часть последних двадцати лет я писал о мире животных и растений для таких журналов, как National Geographic и Smithsonian. В то же время я регулярно сочинял статьи на совершенно не имеющие отношения к природе темы для Architectural Digest. Таким образом, я писал то о богатых, то о животных. Беседа за бокалом шампанского с Ричардом Бренсоном в частном клубе в Кенсингтоне могла смениться плаваньем по кишасей пираньями перуанской Амазонке, а сразу после того как во дворце Бленем мне давал интервью лорд Джон Джордж Вандербильт Генри Спенсер-Черчилль, одиннадцатый герцог Мальборо, я садился на самолет, летящий в Ботсвану, чтобы в дельте реки Окованго попасть на прием к благородному бабуину по кличке Пауэр. Трудно сказать, какой из этих миров опаснее, однако нельзя было не заметить определенного сходства, путешествуя между ними. Например, биолог, которого я посетил в Ботсване, заметил: «У бабуинов принято вести себя так, как рекомендует Джейн Остин в своем романе: поддерживать прочные связи с родственниками и стараться понравиться вышестоящим».

Как писатель, специализирующийся на естествознании, я всегда полагал, что все особи животных, от австралийского муравья до Руперта Мердока, в большей или меньшей степени подчиняются правилам, диктуемым принадлежностью к тому или иному виду. Они имеют общую со своими собратьями физиологию, охраняют свою территорию, следуют принципам социальной иерархии, репродуктивного поведения, заботятся о потомстве... Иначе их, как правило, съедают.

Итак, я задался вопросом о том, нельзя ли рассмотреть богатых в новом свете — как представителей фауны. Мне пришло в голову, что можно даже написать естест-

венную историю богатых, как-то перекликающуюся с утверждением, гласящим: «Богатые не похожи на нас с тобой: они чаще метят территорию». Немецкий поэт Генрих Гейне, например, однажды описал свое посещение парижских апартаментов барона Джеймса Ротшильда. Когда «обшитый золотым галуном лакей» вышел из покоев барона с огромным ночным горшком, то ожидавший в передней биржевик встал и «почтительно приподнял шляпу». Это, естественно, напомнило мне раболепное поведение домашних мышей рядом с лужицей мочи самца-лидера.

Приведу и другой пример. Услышав, какой скандал устроил контролирующий косметическую компанию Revlon миллиардер Рональд Перельман своей третьей жене Патриции Дафф, которая без ведома мужа отправилась на какую-то вечеринку, проходившую во время съезда Демократической партии в 1996 году, я вспомнил, что самец осы, отыскав подходящую самку, часто затапливает ее в труднодоступное место, чтобы не дать другим самцам спариться с ней.

Аналогия такого рода может показаться возмутительной и оскорбительной, поэтому я честно признаю, что переходить эту границу не следует. Было бы неправильно, например, уподоблять Перельмана мухе *Johanne seniella nitidia*, у самца которой гениталии отламываются после копуляции и становятся своего рода поясом целомудрия на теле самки. С другой стороны, сами богатые сравнивают свое поведение с животными так часто и настойчиво, что это свидетельствует об их страстном желании постигнуть собственное место в мире природы. Джон Рокфеллер, готовясь под безобидной личиной South Improvement Company начать одну из самых хищнических акций в истории американского предпринимательства, признался своей жене: «Я чувствую себя как лев в клетке, и я бы рычал, если бы от этого был толк». Впрочем, проводимые аналогии не всегда так примитивны. Роберт Дедман-старший (не последний человек в списке четырехсот самых

богатых людей журнала Forbes) однажды так описал радость приобретения: «Я чувствую себя комаром на нудистском пляже. Все выглядит так аппетитно, что не знаешь, с чего начать».

Однако будет ли убедительным выбор богатых как объекта естествознания? Можем ли мы обсуждать их естественное поведение, когда границы общественно-экономических классов так подвижны и какой-нибудь Билл Гейтс может пройти путь от рядового представителя верхнего слоя среднего класса до богатейшего олигарха мира за десять или двадцать лет? Или, коли на то пошло, когда такой интернет-магнат, как Масайошисан, может потерять за год 63 миллиарда долларов и все равно остаться богаче самого Бога?

На первый взгляд идея казалась смехотворной. Богачи не отличаются от вас или меня генетически (если не считать последствий близкородственных браков из поколения в поколение). Все мы, как сказал мой знакомый маклер в Монако, животные одного вида. Важнейшие биологические и мыслительные механизмы, необходимые для нашего взаимодействия друг с другом и с миром, получили развитие в те времена, когда особи нашего вида при ходьбе еще волочили по земле руки, причем эти древнейшие модели адаптации определяют наше поведение по сей день. Мы жадно поглощали жиры и сахар, еще будучи охотниками в саванне, где эти природные ресурсы скудны, и по-прежнему объедаемся ими сегодня, став конторскими служащими, хотя теперь они доступны в изобилии и даже грозят сердечно-сосудистыми заболеваниями и кариесом.

Но богачи имеют больше сладкого, чем все остальные. Или, точнее говоря, они имеют больше всего, что им хочется в тот или иной момент. Когда животное получает больше каких-либо природных богатств или иных ресурсов, оно способно изменить свое поведение. Дайте реву больше пищи и более высокий статус, и он станет чаще заниматься сексом. Дайте сумчатой крысе много полных